

Ancient Danube Lowland in the Postmodernism Mirror
(by K. Ransmayr novel "The Last World")

Tetyana Shevchuk¹

Abstract: The article deals with the postmodern interpretation of the world known story of Ovidius exile in Tomis (Constanța), presented in the novel of contemporary Austrian writer Christoph Ransmayr "The Last World" (1988). Based on the descriptions of ancient Danube Lowland, composed by Ovidius, the author invites the reader to the surreal world. Phantasmagoric basis of the fiction involves mixing times (past, present and future), the introduction to the subject outline the mythological characters from "Metamorphoses" by Ovidius. The writer makes an attempt to understand the myth through profound layers of aesthetic, cultural and geopolitical metamorphosis of the twentieth century, the problem of relations between East and West, the establishment of totalitarian regimes, etc. A large panorama of life and culture sketches of ancient Lower Danube inhabitants gives an idea of the timeless nature of human values and aspirations.

Key words: ancient Danube Lowland; postmodern world view; metamorphosis; myth

*Ergo tam late pateat cum maximus orbis,
Haec est in poenam terra reperta meam!*
Ovidius, Tristia (3, 10)²

¹ Professor PhD, Izmail State University for Humanities, Ukraine, Dean of the Faculty of Foreign Languages. Address: 12, Repin St., Izmail, Odesa oblast, Ukraine, 68600. Tel: +380930455577, Corresponding author: tatshevchuk@mail.ru

² *И вот, хотя так широко раскинулся огромный мир, именно эта земля избрана для моего изгнания! Овидий, Трестия (3,10)*

Античные колонии западного
Причерноморья в регионе «Нижний Дунай»
на территории современной Румынии

Греческая колонизация западного Причерноморья началась с VII века до н.э. Нижнее Подунавье имело важное стратегическое значение в процессе освоения новых земель, поскольку полноводная река и ее разветвленные притоки служили защитным щитом от набегов кочевников и в полной мере обеспечивали жизнедеятельность края.

В течение VII – VI веков до н. э. греческие колонисты заложили крупные полисы на всем побережье Понта Эвксинского. В западном Причерноморье они представлены широким ареалом городов, расположенных в защищенном рекой пространстве нижнедунайской низменности до Пруто-Днестровского междуречья и Буга: Аполлония (Созопол, Болгария), Одессос (Варна, Болгария), Дионисополис (Балчик, Болгария), Томи (Констанца, Румыния), Галатис (Мангалия, Румыния), Истрос (Istria, Румыния), Тирас (Белгород-Днестровский, Украина), Ольвия (Украина) и др.

Действие романа современного австрийского писателя Кристофа Рансмайра «Последний мир» (1988) происходит в Томах (Τόμοι, Τομοί, Tomis – современная Констанца) на заре новой эры как постмодернистская интерпретация истории пребывания в ссылке знаменитого древнеримского поэта Овидия (прибл. 9-17 гг. н. э.). Нет сомнения, что писатель решил

* Карта с сайта: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/d5/Scythia_Minor_map.jpg

приступить к написанию романа об Овидие, восприняв как завещание строки опального поэта из первой Скорбной элегии, написанной на пути в место изгнания:

sunt quoque mutatae, ter quinque uolumina, formae, nuper ab exequiis carmina rapta meis.	Есть там еще, кроме них, и пятнадцать книг «Превращений»
his mando dicas, inter mutata referri fortunae uultum corpora posse meae,	Вырвали их из костра при всесожженье моем.
namque ea dissimilis subito est effecta priori, flendaque nunc, aliquo tempore laeta fuit.	Им скажи, я прошу, что судьбы и моей превращенье В повествованиях тех место могло бы найти, Ибо внезапно она непохожей на прежнюю стала: Радостной раньше была, ныне рыдаю о ней.

(в пер. С. В. Шервинского)

Ovidius, Tristia (1, 1)

Фантасмагорическая основа произведения предполагает смешение времен (Zatonsky, 1998), введение в сюжетную канву произведения мифологических персонажей «Метаморфоз» Овидия, а ее поэтику определяют постмодернистские принципы мозаичности, лабиринта, цикличности, интертекстуальности, художественного палимпсеста. Постмодернистская игра проявляется в отрицании линейного времени; проведении проекций на современность; мотивах поиска как основного действия романа; узнавания; выявления вневременных черт цивилизации; установления общекультурных констант человечества.

Юрий Лотман в работе «Символ в системе культуры» (1982) сравнивает художественную форму произведений конца XX века с полотном Веласкеса «Менины» (1656), в основу которого положен принцип «картины в картине», зеркальности, метаморфозы (Lotman, 1992). Роман «Последний мир» можно считать наиболее яркой иллюстрацией этого удачного примера. Как известно, Рансмайр написал его под впечатлением выполненного им в течение нескольких лет заказа на перевод «Метаморфоз» Овидия и положил в основу принцип превращения героев. Как зеркало в центре композиции картины Веласкеса дает эффект «видимости невидимого» (Foucault, 1994), так и воспроизведение сюжетов и образов «Метаморфоз» в романе «Последний мир» создает интертекстуальный эффект «игры в угадывание», ориентирует читателя на мифопоэтическое обобщение системы образов произведения, выявление их вневременного символического значения.

В данном исследовании нас интересует, как преломилась в постмодернистской картине мира всемирно известная история изгнания блестящего придворного поэта Овидия на «римский рубеж у левого берега Понта», «предел ледяной крайнего круга земли», *orbis ultimus*. Эта тема неоднократно выступала предметом художественных размышлений в мировой литературе. Например, Александр Пушкин, побывав в бессарабской ссылке, признается в стихотворении «К Овидию», что составив представления о крае по «Скорбным элегиям», он ожидал увидеть мрачные земли с тоскливыми пейзажами. Однако впечатления русского поэта оказались противоположными (*Pushkin, 1974, c. 137*):

Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блистает пурпуровый. <...>

В «Последнем мире» представлены широкие панорамные зарисовки быта местного варварского населения. Как знаток творчества Овидия, в описании нравов местных народов Рансмайр опирался на «Скорбные элегии» и «Письма с Понта», о чем свидетельствует обыгрывание художественных образов и мотивов (например, двухлетняя зима и пр.). В тристиях опальный римский поэт сообщает, что «живет под созвездиями, никогда не касавшимися моря, посреди варварства» (*Suppositum stellis numquam tangentibus aequor / Me sciat in media vivere barbaria*) в окружении диких племен «савроматов, бессов и гетов» (*Sauromatae, Bessique, Getaeque*) (*Tristia 3, 10*). Историки свидетельствуют, что в период греческой колонизации на землях Нижнего Подунавья до Днестра пребывали гето-фракийские и скифские племена (*Bolovan, 2005; Rubtsov, 2003*). В античных источниках гето-фракийцы получили условное «речное» имя истриан (Помпоний Мела, Плиний, Помпей Трог, Флавий Арриан), а скифы – обобщенное прозвище асиаки/азиаты («*Axiacus*» (Плиний), «*Asiacus*» (Мела)).

Овидий акцентирует внимание на географических преимуществах нижнедунайской низменности для населявших ее народов:

Dum tamen aura tepet, medio defendimur	Всё-таки, пока стоит тепло, мы защищены водами Истра:
Histro: Ille suis liquidus bella repellit aquis	Он отвращает войны течением своих вод. <i>Ovidius, Tristia (3, 10)</i>

Этнографические зарисовки быта, одежды и нравов варварских народов, населявших нижнедунайскую низменность на заре новой эры отражают тот стресс, который получил в изгнании «золотой Италии роскошный гражданин» (А. Пушкин), избалованный благодатной природой Апеннинского полуострова, высокой материальной культурой Рима и собственным

богатством. По представлению Овидия, зимой северный полюс перемещается в Томы, а Борей укрепляет снег так, что ни солнце, ни дожди не в состоянии его растопить. Не успевает растаять прежний снег, как выпадает другой и так он лежит два года подряд, становясь практически вечным. Разбушевавшийся Аквилон способен не только уносить сорванные крыши, но и сравнивать с землей высокие башни. Люди защищаются от жестоких морозов шкурами животных и сшитыми штанами, из всего тела только лицо остаётся у них открытым. Поэт описывает покрытые инеем бороды жителей края, висящие на волосах и звенящие при движении льдинки.

Овидию довелось увидеть замерзшее вино, которое, по его свидетельству, местное население вытряхивало из кувшина как кусочек льдины в форме сосуда, дробило и употребляло «не глотками, а кусочками» (*Nudaque consistunt, formam servantia testae/, Vina, nec hausta meri, sed data frusta bibunt*). Он пишет не только о скованных морозом ручьях и озерах, но и подробно описывает свои впечатления от замерзшего «папиросного» Дуная, что означает его сравнение с могучими водами Нила:

<p>... Ipse, papyrifero qui non angustior amne Miscetur vasto multa per ora freto, Caeruleos ventis latices durantibus, Hister Congelat et tectis in mare serpit aquis; Quaque rates ierant, pedibus nunc itur, et undas Frigore concretas ungula pulsat equi; Perque novos pontes, subter labentibus undis, Ducunt Sarmatici barbara plaustra boves. ...</p>	<p>... Даже Истр, который не уже, чем папиросная река, и впадает в огромное море многими устьями, застывает от ветров, сковывающих его голубые воды, и невидимыми водами ползёт в море. И там, где проходили корабли, теперь ходят ногами, и кони топчут копытами волны, твёрдые от мороза. И по новым мостам поверх катящихся волн сарматские быки влекут варварские возы. ... <i>Ovidius, Tristia (3, 10)</i></p>
---	---

Наивысшей точкой пережитого Овидием ужаса от суровой погоды «северного» края можно назвать впечатления от замерзшего моря. Поэт констатирует увиденный им факт застывших подо льдами вод, фиксирует процесс их перехода в неподвижное состояние. Наверное, его самым ярким впечатлением от увиденного стало описание того, как ступив на твердую водную гладь и, не замочив ног, он стоял над волнами, глядя на застывших под водой рыб... Красочным поэтическим языком Овидий говорит о том, что все усилия Борей вызвать волнения в застывшей пучине являются тщетными, плененные корабли застывают в ледяном мраморе и никакое весло не в состоянии разбить затвердевшие воды.

Суровые морозы для древних жителей нижнего Подунавья означали начало военных действий. Овидий свидетельствует, что воинственные кочевники пересекали реку по льду, устраивая побоища и грабежи:

Sive igitur nimii Boreae vis saeva marinas, Sive redundatas flumine cogit aquas, Protinus aequato siccis Aquilonibus Histro Invehitur celeri barbarus hostis equo; Hostis equo pollens longeque volante sagitta Vicinam late depopulatur humum. Diffugiunt alii, nullisque tuentibus agros Incustoditae diripiuntur opes, Ruris opes parvae, pecus et stridentia plaustra, Et quas divitias incola pauper habet. Pars agitur vinctis post tergum capta lacertis, Respiciens frustra rura Laremque suum; Pars cadit hamatis misere confixa sagittis: Nam volucris ferro tinctile virus inest. Quae nequeunt secum ferre aut abducere, perdunt, Et cremat insontes hostica flamma casas. Tum quoque, cum pax est, trepidant formidine belli, Nec quisquam presso vomere sulcat humum.	И вот, только дикая сила неистового Борея уплотнит или морские, или текущие в реке воды, тотчас же ровный от жестоких Аквилонов Истр переезжает враг-варвар на быстром коне. Враг, сила которого в коне и далеко летающей стреле, разоряет на широком пространстве соседнюю землю. Одни из жителей разбегаются, и поскольку никто не охраняет поля, враги растаскивают необерегаемое имущество - жалкое деревенское имущество: скот, скрипучие телеги и прочие богатства бедного поселянина. Других угоняют в плен, связав им руки за спиной; напрасно оглядываются они на своё село и дом. Третьи, несчастные, падают на землю, пронзённые крючковатыми стрелами, ведь летучее железо пропитано ядом. Чего враги не в состоянии унести или увезти с собой, то они уничтожают, и варварское пламя сжигает невинные хижины. Даже и тогда, когда стоит мир, жители трепещут, боясь войны, и никто, налегая на плуг, не взрыхляет почвы.
---	--

Ovidius, Tristia (3, 10)

Овидий констатирует постоянный страх местных жителей перед опустошительными набегами. «Эта страна, – пишет он, – или видит врага, или боится, не видя его» (*Aut videt aut metuit locus hic, quem non videt, hostem*), поскольку после разорительных нашествий заброшенная земля подолгу простаивает не возделанной, на ней некому выращивать плоды и виноград. Поэт рисует яркую картину бесконечных тревожных бдений:

nam dedit e specula custos ubi signa tumultus,
induimus trepida protinus arma manu.
hostis habens arcus imbutaque tela venenis,
saevus anhelanti moenia lustrat equo;
utque rapax pecudem, quae se non texit ovili,
per sata, per silvas fertque trahitque lupus,
sic, siquem nondum portarum saepe receptum
barbarus in campis repperit hostis, habet:
aut sequitur captus coniectaque vincula collo
accipit, aut telo virus habente perit.

Только лишь с вышки своей
объявит дозорный тревогу,
Тотчас дрожащей рукой мы
надеваем доспех.
Враг, чье оружие — лук, чьи
стрелы напитаны ядом,
Злобный разведчик, вдоль стен
гонит храпящих коней.
Как, кровожадный, овцу, не
успешную скрыться в овчарню.
Тащит волоком волк и через
степи несет,
Так любого, за кем не
сомкнулись ворота ограды,
Гонят враги-дикари, в поле
застигнув его.
В плен он, в неволю идет с
ременной петлей на шее,
Или на месте его яд убивает
стрелы.

Ovidius, Tristia (4,1)

В романе «Последний мир» художественные картины варварского быта изображены в постмодернистском ключе. Незамысловатая сюжетная линия (прибытие в Томы римлянина Котты в поисках следов своего современника Овидия, после докатившегося в Рим известия о его смерти, а также рукописи «Метаморфоз», которые были написаны якобы в изгнании) начинается с описания Том: «Томы, глухомань. Томы, край света. Томы, железный город» (*Ransmayr, 2003, с. 8*). Железный потому, что там испокон веков добывали в избытке железо, а дым печей рудоплавов постоянно окутывал прибрежную территорию. Железным было все: оконные ставни, ограды, коньки крыш, узкие мостики через речку, делившую город на две неравные части. Все это разъедалось соленым ветром и ржавчиной, цвет которой доминировал в окрестностях.

Следуя логике Овидия, изобразившего в «Скорбных элегиях» Томы и, в целом, жизнь на Нижнем Подунавье как царство холода, нищеты и вражды, Кристоф Рансмайр рисует неутешительную картину упадка: покрытые ползучими растениями и мхом пустующие дома; рано стареющие женщины в черных одеяниях; покрытые пылью изможденные мужчины, проклинающие замерзшие воды моря и вредителей на полях. «Томы были столь же унылы, столь же стары, так крепко и лишены надежды, как и десятки иных приморских городов, и Котте казалось странным, что в этом поселке, одинаково беззащитном перед морем и горами, так крепко опутанном своими

обычаями, так бедствующем в тисках холода, нищеты и тяжелого труда, вообще могло происходить что-то, о чем говорили в далеких салонах и кафе европейских метрополий» (Ransmayr, 2003, с. 10).

Представленная в романе постмодернистская картина мира несет ярко выраженный апокалипсический характер. Эсхатологическая проблематика в целом оказалась крайне востребованной в литературе XX века как по причине развязывания двух мировых войн, так и в связи с возможностью художественного отражения вечных вопросов бытия, смысла и ценности человеческой жизни, предела людских возможностей, выявления общекультурных констант, актуальных во все времена. Среди последних – извечное стремление человечества к довольству, которое оно готово не получать как милость, а добывать своим трудом. Так, например, уже с первых строк книги автор изображает как жители Том, имена которых тождественны многочисленным героям «Метаморфоз» (мясник Терей, его жена Молва, глухонемая ткачиха Арахна, канатчик Ликаон, горожанки Прозерпина, Эхо и пр.) пытаются «заклучить мир с небесами», справляя языческие обряды с целью упросить своих неведомых богов даровать им плодородные поля, большие уловы, рудные жилы, спокойное море (Ransmayr, 2003, с. 12).

Согласно сюжетной версии романа, жилище Овидия располагалось в Трахиле – заброшенном селении в четырех-пяти часах ходьбы от города, где он обитал со своим слугою-греком Пифагором. На момент прибытия Котты от него остались одни руины: проломленные известняковые стены пяти-шести домов, конюшен и сараев, из окон которых тянулись ветви сосен; провалившиеся в закопченные кухни, спальни и горницы крыши из тростника и сланца; уцелевшие среди пустоты арки ворот, через которые словно «утекало время»... Единственной пригодной для жизни постройкой с уцелевшей крышей оставался дом Назона, во дворе которого, вопреки климатическим законам изображаемой в романе северной природы, росла «спокойная и зеленая» шелковица с выбеленной известкой стволом и пятнами сока от упавших ягод на снегу. Образ тутового дерева имеет древнее символическое значение Древа Жизни, цвета трех стадий созревания которого (белый-красный-черный) отражает как стадии инициации, так и возрастные стадии человеческой жизни. В романе образ лежащих на снегу ягод сигнализирует об окончании земного пути героя.

Картина тотального запустения дополняется образами неких многочисленных каменных монументов – десятков стройных пирамид высотой от полуметра до роста человека, на верхушках которых трепетали пучки матерчатых лоскутьев с цитатами из «Метаморфоз». Первое прочитанное Коттой изречение «*He сохраняет ничто неизменным свой вид*» (в пер. С. Шервинского) носит не только установочный характер как

философское размышление к открывшемуся взору руинам. Считается, что оно принадлежит Пифагору, поскольку именно этой фразой открывается монолог ученого в «Метаморфозах». И хотя Пифагор, как уточняет автор в «Овидиевом репертуаре»¹, не записывал своих ученых суждений, в романе именно он записывает рассказы Овидия на любом подручном материале (столах, камнях, песке) и, в конце концов, создает лоскутную форму «Метаморфоз».

Помимо мифологических героев, в романе представлено несколько исторических персонажей. Среди последних два императора-современника Овидия (Октавиан Август² и Тиберий Август³), сам Овидий, Пифагор⁴ и Котта⁵.

Образы императоров Рима показаны как диктаторы, зацикленные на собственном величии, лишённые человеческих эмоций, стремящиеся в своих амбициях превзойти своих предшественников. Август I (Октавиан), «Император и Герой человечества», делает носорога (подарок правителя Суматры) своим геральдическим животным и знаком власти и часам наблюдает за этим животным из эркера своего дворца. Согласно восточной символогии, носорог – неуклюжее, огромное, безобразного вида животное, наделенное необычайной храбростью. Его образ является эмблемой удачи и почему-то увязывается с ученостью. В сюжетной линии романа в традициях постмодернистской игры император с изяществом носорога решает судьбу Овидия: он обрывает сердитым жестом референта, мешавшего созерцанию животного своим докладом о скандальной речи поэта Овидия, в результате чего бюрократия истолковала этот жест как повеление о ссылке поэта. Август II (Тиберий Клавдий Нерон) сохраняет носорога на гербе как символ знака власти и не отменяет ни одного эдикта о ссылке.

Судьбы остальных трех исторических прототипов персонажей «Последнего мира» (Овидий, Пифагор, Котта) имеют одну общую характеристику: все они

¹ «Овидиев репертуар» – авторское приложение к роману «Последний мир» с описанием персонажей «Последнего» и «Древнего» мира. Имена героев подаются в таблице, в алфавитном порядке. К. Рансмайр сопровождает энциклопедическую информацию об античных персонажах связанными с их образами цитатами Овидия из «Метаморфоз», «Скорбных элегий», «Писем с Понта».

² Октавиан Август (Caius Iulius Caesar Octavianus Augustus, 63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) – римский политический деятель периода принципата, основатель Римской Империи, сумевший соединить в своих руках военную, гражданскую и религиозную власть.

³ Тиберий Август – Тиберий Клавдий Нерон (Tiberius Claudius Nero, 42 г. до н.э. – 37 г. н.э.), с 17.09.14 г. – второй римский император из династии Юлиев-Клавдиев.

⁴ Пифагор (Pythagoras, VI в. до н. э.) – греческий философ, математик, мистик, создатель религиозно-философской школы пифагорейцев.

⁵ Котта – Марк Аврелий Котта Максим Мессалин (14 г. до н.э. – после 36 г. н.э.) – римский политический деятель, консул, меценат. Находясь в ссылке, Овидий адресовал Котте девять стихотворных посланий с Понта с просьбами содействовать его возвращению из изгнания.

стали жертвами людей, наделенных неограниченной властью. Согласно одной из легенд, Пифагор заживо сгорел в основанной им философской школе в Кротоне по прихоти местного богача; Овидий умер в тоске в Томах; Котта был обвинен в оскорблении императора и отравлен. В сюжетной линии «Последнего мира» Пифагор «сбежал от деспотического режима, откуда-то из Греции»; Котта предстает с характеристикой «государственный беглец», а Овидий остается главным воплощением художника, пострадавшего от прихоти деспота и его окружения.

Какие ассоциации автор хотел вызвать у современного читателя с помощью этих персонажей? В интервью украинской газете «Профиль» Кристоф Рансмайр признается, что обратился к мифу в своем художественном творчестве с целью понять посредством мифа глубинные процессы эстетических, культурных и геополитических метаморфоз XX века. «Кроме того, – утверждает он, – мне хотелось доказать, что изучение мифологии совсем не обязательно должно быть отвлеченным и далеким от современности занятием, а даже наоборот, через миф можно понять самые глубинные пласты современности. И я был очень рад, когда в Румынии во времена диктатуры роман был запрещен цензурой. Ведь это стало доказательством того, что цензура поняла книгу и распознала в ней текст о современности, а не отвлеченную и странную поэтическую абстракцию» (Ransmayr, 2008).

Таким образом, противостояние творческой личности деспотии также осмысливается как своеобразное «вечное» состояние человечества. Роман пронизан болью страданий Овидия в ссылке, которая передается через призму восприятия Котты, видевшего во всем отголоски пребывания своего друга. Образы оживших героев «Метаморфоз» дополняют картины деградации и запустения как иллюстрация идеи морального упадка человечества.

Отдельное внимание следует уделить представленному в романе концепту «памяти железного города» (Ransmayr, 2003, с. 206). Рансмайр реанимирует самые отвратительные по низости человеческих поступков мифологические истории, географически близкие к античным Томам. Среди них – насилие со зверскими физическими увечьями фракийским царем Тереем (помогавшим Афинам в отражении натиска варварских орд) своей невестки Филомелы; месть его жены Прокны, убившей их сына за издевательства над сестрой и пр. Разыгравшаяся на глазах у Котты аналогичная драма с участием персонажей-прототипов в Томах, привела его к глубокому душевному потрясению от осознания того, что сам он (просвещенный римлянин) непорочно поступил с полоумной девушкой Эхо.

Нижнедунайская низменность с античных времен являлась территорией значительной миграции народов. Автор отдельно подчеркивает то

обстоятельство, что «все людские судьбы на томских берегах были сходны по меньшей мере в одном: кто бы ни находил пристанище в руинах, трущобах или изъеденных ветрами каменных домах Томов, сам являлся сюда с чужбины, бог весть откуда. Если не считать десятка лохматых, нечесанных ребятишек, похоже, ни один из обитателей не жил в Томах от рождения, всех привели на эти берега прихотливые пути-дороги бегства или изгнания» (*Ransmayr, 2003, с. 196*).

Среди жителей этого региона Рансмайр выделяет варваров-горцев и обитателей приморья. После окончания «двухлетней зимы» ледниковые морены и камнепады обрушились на дома горцев, заставляя их искать убежища «на узкой полоске земли между скалами и водой» (*Ransmayr, 2003, с. 188*). В такие периоды все ощущали сейсмические волны, приводившие к морским волнениям и незначительным разрушениям. Беженцы ютились в наскоро построенных нищих лачугах, проводили языческие жертвенные обряды и меняли остатки спасенного имущества (дубленую кожу, резные деревянные изделия, минералы) на еду и вино. Образ жизни всех обитателей края автор считает свинским, лишенным смысла и духовности, поскольку он подчинен одной цели – выживанию.

Ржавчина, плесень и дикие заросли сорных растений – вот основные приметы картины изображенного в романе последнего мира. Борьба за выживание, торжество низменных человеческих страстей, невежество – главные характеристики способа жизни его обитателей. Введение автором мифологических констант делает эту картину реальности непреходящей, а отсутствие времени дополнительно свидетельствует о вневременном значении изображенных судеб.

Концепция человека мыслящего сводится к изгнанничеству: как вынужденному, так и добровольному. Идея динамичности развития мира, воплощенная в формуле Пифагора-Овидия «не сохраняет ничто неизменным свой вид», дихотомическим образом трансформируется в концепцию парадигматичности истории, идею вечного возвращения и повторяемости. Попытка мифологизации социума приводит к выделению определяющих развитие мира бинарных мифологических констант: любовь и предательство, месть и прощение, духовная нищета и порыв творческой мысли, торжество деспотических режимов и противостояние им творческой личности.

В античном космогоническом мифе о пяти веках развития человечества современная цивилизация пребывает в пятом, железном веке. Изображенный в романе железный город, безусловно, является олицетворением жестокого железного века, в который людей ввергла безграничная жажда войн и бездуховность. Античные Томы, последний приют изгнанника Овидия, отвергнутый и ненавидимый им убогий мир нищеты, страданий и выживания

проецируются на весь современный мир, в котором человек таланта и высокого духовного полета, как правило, становится изгоем.

Философская основа «Метаморфоз» Овидия базируется на убеждении в повторяемости мифа и истории на новом витке развития. Логика этой философии подсказывает, что Последний мир не может быть последним...

References

- Bolovan I. & Pop, I.-A. (coord.) (2005). *История Румынии / History of Romania*. Moscow. 680 p.
- Foucault, M. (1994). *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / The order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. 408 p., pp. 41-53.
- Lotman, Y. (1992). *Символ в системе культуры / Symbol in the Culture System*, pp. 191-199.
- Ovidius, Naso P. (1978). *Скорбные элегии. Письма с Понта / Tristia. Letters from Pontus* // Под ред. М. Л. Гаспарова, С. А. Ошерова. Москва. 270 p.
- Ovidius, Naso P. *Tristia / The Latin Library*: <http://www.thelatinlibrary.com/ovid.html>
- Pushkin, A. (1974). *Сочинения в 3-х т. Т.1 / Works in 3 vol. Vol. 1*. Moscow., 536 p.
- Ransmayr, K. (2003). *The Last World / Последний мир*. Moscow, 256 p.
- Ransmayr, K. (2008). *Интервью: «Даже если кто-то уснул во время чтения, я считаю это нормальным» / Interview: "Even if someone fell asleep while reading, I think this is normal" // Профиль/ Profil, № 22 (41) at 14. 06. 2008.*
- Rubtsov, S. (2003). *Легионы Рима на Нижнем Дунае: Военная история римско-дакийских войн (конец I - начало II века нашей эры) / Legions of Rome on the Lower Danube: Military History of the Roman Dacian Wars (end I - the beginning of the II century AD)*. СПб.: Петербургское Востоковедение, Moscow, 256 p.
- Zatonsky, D. (1998). *Метаморфозы Овидия Назона, или Покушение на движущееся время (К. Рансмайр «Последний мир») / Metamorphoses of Ovid Nazon or The Attempt on a moving time (K. Ransmayr "The Last World")*, 1998. № 2. pp. 141-160.